

ANTHROPOCENTRISM IN ENGLISH, RUSSIAN, AND UZBEK PAREMIOLOGICAL UNITS: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Mukhammad Chariyevich Chutpulatov

Doctor of Philosophy in Philological Sciences (PhD)

Vice-Rector for Academic Affairs

Uzbekistan State World Languages University

Tashkent, Uzbekistan

<https://orcid.org/0009-0006-8307-919X>

<https://doi.org/10.36078/1778830988>

Abstract. Language accumulates the centuries-old experience of its speakers and performs a representative function. Through linguistic means, it reflects the relationship between the individual, culture, and society, as well as the characteristics of individual linguistic personalities. Proverbs are among the linguistic units that most vividly preserve the historical experience of a people and the social, aesthetic, moral, ethical, and spiritual worldviews formed on its basis. Speakers of different languages often act as bearers of traditional cultural and linguocultural values, including social, moral, and religious norms expressed through proverbs. This article presents a comparative study of the paremiological fund of English, Russian, and Uzbek from the perspective of anthropocentrism. It also provides a statistical analysis of proverbs and sayings in the three languages.

Keywords: paroemia; paremiological unit; proverb; saying; folk wisdom; life experience; national tradition; universal meaning; national-cultural specificity.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ВЫРАЖЕНИИ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Мухаммад Чариевич Чутпулатов

*Доктор философии по филологических наукам (PhD), проректор по
учебной работе*

Узбекский государственный университет мировых языков

Ташкент, Узбекистан

Аннотация. Наша речь аккумулирует многовековой опыт ее носителей и выполняет репрезентативную функцию. Благодаря языковому инструментарию в нашей речи зафиксировано триединство «человек — культура — социум» в целом и характеристики отдельной языковой личности в частности. Языковые единицы, наиболее ярко запечатлевшие исторический опыт народа и выработанные на основе этого опыта социальные, эстетические, морально-этические и духовные мировоззрения, это, безусловно, паремии. Любой языковой носитель любого языка мира, вне зависимости от пола, образования, социального класса, выступает в качестве обобщенного носителя традиционно-культурных, культурно-языковых ценностей, традиционных или религиозных норм и предписаний, выражаемых в речи посредством паремий. В статье представлено сравнительное исследование паремиологического фонда английского, русского и узбекского языков с точки зрения антропоцентризма, а также результаты подсчета лексем в пословицах и поговорках на этих языках.

Ключевые слова: паремия; паремиологическая единица; пословица; поговорка; национальные традиции; общечеловеческий (универсальный) и национально-культурный (специфический) планы содержания.

Введение

Сопоставительное изучение паремиологических единиц разносистемных языков, таких как английского, русского и узбекского, на сегодняшний день открывает новые аспекты в лингвистике, позволяя выявить как сходство и различие в менталитете носителей языков, так и аксиологические, культурные и национальные традиции данных народов, вербализирующих мировоззрение и морально-этические нормы в паремиологических единицах.

Значительное количество пословиц и поговорок в английском, русском и узбекском языках связаны с описанием ряда внешних (физиологических) и личностных характеристик человека и языковой фиксацией их в виде универсальных и стереотипных оценок окружающей действительности с их помощью.

Семантика пословиц, поговорок, и паремий в целом обладает большим национально-культурным своеобразием и включает информационный культурный фон, передающий знания о бытовании объекта в культурной среде, типовые образные ассоциации и ценностные стереотипы, сформировавшиеся на базе устойчивых образных представлений лингвокультуры (образов, метафор).

Также сходство в выражении антропоцентризма в паремиологических единицах сопоставляемых языков базируется на ценностных установках: оппозиционные категории хорошо и плохо, красиво и

некрасиво, правдиво и лживо, труд и лень, и т. д. служат основанием для вербализации антропоцентризма по признаку положительного / отрицательного отношения к людям, предметам и явлениям.

В отличие от трансформированных пословиц, семантика традиционных пословиц и поговорок практически не содержит полутонов, разделяя мир на положительную и отрицательную полярности. Поскольку процесс оценивания человеком самого себя, своих поступков и окружающего мира через призму собственного мышления является неотъемлемым элементом ментальных процессов, влияющих на формирование национальной языковой картины мира, закономерно, что оценка не только зеркально отражает специфику мышления носителей языка и культуры, но и демонстрирует универсальность видения мира и себя в этом мире [Шерина 2010].

Обзор литературы и методология исследования

Изучение паремий в лингвистическом ключе началось в конце XIX – начале XX в. Значительное внимание им уделяли в своих работах в 50–80-е годы В.П. Аникин [Аникин 1957], А. М. Бабкин [Бабкин 1957], В. В. Виноградов [Виноградов 1977] и другие; их идеи и концепции продолжили развитие в работах З. К. Тарланова [Тарланов 1999], В. М. Мокиенко [Мокиенко 2010], Г.Л. Пермякова [Пермяков 1970], Н.Н. Семенов [Семенов 2011], Л.Б. Савенковой [Савенкова 2002], М.А. Бредиса [Бредис 2015] и других.

Исследование паремий как никогда актуально и в наше время. Например, изданная РУДН коллективная монография «Паремиология без границ» 2020 года под редакцией М. А. Бредиса и О. В. Ломакиной [Бредис & Ломакина 2020], или опубликованная в сентябре 2024 года книга «Паремиология в цифровую эру» (Paremiology in the digitalera) испанского паремиолога Луиса Х. Тосина Фернандеса, с подзаголовком *Survival, adaptability, and prospects for proverb scholarship in the 21st century* (Выживание, адаптивность и перспективы изучения пословиц в XXI веке), который в англоязычной аннотации провозглашает темой исследования анализ того, «как пословицы используются в некоторых наиболее популярных формах развлечений в настоящее время, от сериалов до интернет-мемов, а также в видеоиграх, популярной музыке или графической литературе, среди прочего, чтобы определить, как эти современные средства массовой информации используют фрагменты традиционной мудрости с различными целями» [Tosina Fernández 2024].

Таким образом, и в начале XXI в., и сегодня мы наблюдаем устойчивый интерес к начатым в предыдущем столетии исследованиям паремиологического фонда языка. Паремии выгодно отличаются от других языковых единиц богатым планом содержания, поскольку в них мы можем выделить общечеловеческий (универсальный) и национально-культурный (специфический) планы содержания. Общечеловеческое содержание отражает общность бытийного плана, присущую всему человечеству, независимо от национальных, языковых, исторических, культурных и ментальных различий таких, как труд, мастерство, трудолюбие и т. п., тогда как национально-культурная специфика выявляет уникальные отличия.

Немаловажным нам представляется факт использования антропоцентрического подхода в изучении паремий; важность данного подхода подчеркивает Е. С. Кубрякова, по мнению которой он заключается в изучении научных объектов, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её усовершенствования [Кубрякова 1995]. В более поздних работах она подтверждает собственные выводы, постулируя, что «язык не только в известном смысле отражает действительность или воздействует на это отражение, — он является “окном” в сознание человека» [Кубрякова 2004: 12].

Антропоцентрический подход позволяет исследователям представлять особенности внутреннего мира человека, анализируя семантику и фразеологизмов, и пословиц, раскрывая понятийные, оценочные, эмоциональные компоненты семантики языковой единицы, выявляя ее глубинную когнитивную основу. То есть система восприятия окружающего мира, его интерпретация основаны на антропоцентризме [См.: Буянова & Коваленко 2004; Самигуллина 2006; Гриднева 2010; Бредис, Димогло & Ломакина 2020; Джусупов 2022].

Как пишет М. Д. Джусупов, антропоцентрические пословицы, то есть пословицы, в плане содержания которых центральная роль отведена человеку, занимают особое место в системе паремиологических единиц языка. Они направлены на человека, его активную деятельность, проявления его характера и национального менталитета не только прямо, но и образно, абстрактно, обобщенно, собирательно [Джусупов 2022].

Согласно М. Д. Джусупову, человекоориентированность, то есть антропоцентризм, в той или иной степени присутствует в пословицах,

поговорках, фразеологизмах, рубаях, назидательных изречениях — во всех видах паремиологических единиц, и это присутствие выражается как эксплицитно, так и имплицитно. Например: в русском языке: *Баба с возу — кобыле легче* (эксплицитно), *Без труда не вынуть рыбку из пруда* (имплицитно). В узбекском языке: *Йигитни сўзи отадан, қизнинг сўзи онадан* (эксплицитно: речь молодца от отца, речь дочери от матери). *Ишласанг тишлайсан* (имплицитно: будешь работать — будешь кушать, т.е. будешь сыт). В английском: *Like father, like son* (эксплицитно: какой отец, такой и сын). *A house is not a home* (имплицитно: дом не дом, т. е. дом — это не просто здание, строение, а место, где живет человек, семья, живут родные тебе люди).

Историко-этимологический анализ, обоснованный в работах В.М. Мокиенко и представителей его школы, ставит целью поиск универсального и национально-специфического. Этапы этого анализа включают следующее:

- 1) фиксация всех вариантов и их лингвогеографическое описание в пределах одного языка;
- 2) сопоставление собранного материала с языковыми фактами родственных языков для определения генетических или типологических истоков;
- 3) сопоставление результатов исследования с хронологической регистрацией конкретных единиц в конкретных языках и диалектах;
- 4) изучение лингвистических фактов с учетом культурологических, этнографических, мифологических данных для расшифровки плана содержания;
- 5) сравнение лингвистической интерпретации с экстралингвистической и выявление на основе собранного материала исходного образа, так называемого этимона [Мокиенко 2010].

Таким образом, историко-этимологический анализ позволяет выявить национальную специфику рассматриваемой паремии и даже дать информацию об исконности паремии в родном для нее языке [Бредис, Димогло & Ломакина 2020].

Итак, интерес к паремиологическому фонду языков в современной лингвистике значителен. В последние годы не прекращаются споры относительно проблемы дефиниции паремии и попытки сформулировать более полные определения. Т.А. Шайхуллин и А.М. Зарипова [Шайхуллин & Зарипова 2017] в своей статье «Актуальные вопросы паремиологии в русском языкознании» проанализировали

существующие определения паремии в русском языкознании, выдвинутые некоторыми исследователями, например такими как Г. Л. Пермяков, М. А. Кулькова, М. А. Черкасский, Л. Б. Кацюба, Г. Г. Матвеева и М. А. Серегина.

В статье произведен подсчет определенных лексем микрогрупп в рамках подготовленного для работы паремиологического минимума на материале трёх языков. Он позволяет выявить сходства и универсальность вербализации антропоцентризма носителями разносистемных языков, на базе которых сформулирована та или иная пословица или поговорка. Представленная ниже таблица основана на данных нижеуказанных микрогрупп в абсолютной и относительной величине (процентное соотношение). Подсчет пословиц и поговорок на основе содержания нижеуказанных микрогрупп проводился на базе паремиологического минимума, в котором собраны по 380 паремиологических единиц для каждого языка (английского, русского, узбекского) на основании таких источников: Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях [Дубровин 2008], словарей В. И. Даля [Даль 2000] и В. П. Жукова [Жуков 2000]; Узбекские народные пословицы и поговорки / Ўзбек халқ мақоллари [2003] и онлайн-ресурсов English-4life.com.ua/poslovit/poslovit.html; Школа английского языка Skyeng: <https://skyeng.ru/articles/anglijskie-poslovicy-i-pogovorki/>; Узбекские пословицы <http://fmc.uz/maqollar.php>; Узбекские народные пословицы и поговорки <https://www.ziyouz.uz/ru/folklor/uzbekskie-narodnye-poslovitsy-i-pogovorki>.

Анализ и результаты

Универсальные языковые микрогруппы представлены в таблице.

Таблица 1.

Сходства и различия в выражении антропоцентризма в английских, русских и узбекских паремиологических единицах

Лексико-семантическая микрогруппа	Количественные показатели в англ. пословицах (в абсолютных числах и в %)	Количественные показатели в рус. пословицах (в абсолютных числах и в %)	Количественные показатели в узб. пословицах (в абсолютных числах и в %)
Человек	112 (29,5)	100 (28,9)	71 (18,7)
Телосложение	22 (5,8)	51 (13,4)	17 (4,5)
Интеллект	4 (1,1)	31 (8,2)	8 (2,1)
Положительные / отрицательные	15 (3,9)	10 (2,6)	41 (10,8)

качества			
Термины родства / супружества	27 (7,1)	25 (6,6)	30 (7,9)
Социальные связи / роли	11 (2,9)	22 (5,8)	34 (8,9)
Зоонимы/орнитонимы и т.п.	30 (7,9)	22 (5,8)	26 (6,8)
Эмоции, чувства, свойства	25 (6,6)	11 (2,9)	16 (4,2)
Сверхъестественное	13 (3,4)	17 (4,5)	8 (4,2)
Прочее	125 (32,9)	91 (23,9)	129 (33,9)

Разберем состав наиболее частотных микрогрупп.

Микрогруппа «Человек» включает в себя само слово *человек* (man, odam), его гендерные характеристики (мужчина/женщина, man/woman, er/ayol), множественное число (люди, народ, people, halq), возрастные характеристики, такие, как, например, *ребенок, дитя, старуха, старик, девочка/девушка, мальчик, младенец*, в том числе их варианты во множественном числе. Например:

Англ. *A man is as old as he feels, and a woman as old as she looks.* — Мужчина стар на столько, на сколько он ощущает, женщина стара на столько, на сколько она выглядит.

Рус. *Всякий человек у дела познаётся.*

Узб. *Halq qarg'asa, xor bo'lasan, halq qo'llasa, bor b'olasan.* — От поддержки народа — сила и положение, от его осуждения — падение и позор.

Микрогруппа «Телосложение» включает в себя лексему *тело* и его части (*голова, глаз(а), руки, ноги, язык, сердце* и т. п.). Например:

Англ. *Absence makes the heart grow fonder.* — Разлука заставляет сердце любить сильнее.

Рус. *Глаза боятся, а руки делают.*

Узб. *O'rtada burun bo'lmasa, ko'z ko'zni o'yar.* — Не будь носа посередине, один глаз убил бы другой.

«Термины родства/супружества» включают в себя такие лексемы, как *муж-жена, отец-мать, сын-дочь, свекровь-невестка* и т.п. Например:

Англ. *A light wife makes a heavy husband.* — Женщина с легким характером доставит мужу хлопот.

Рус. *Ноябрь — сентябrev внук, октябrev сын, зиме родной брат.*

Узб. *Kelin — yoton, nevara — shirin* (Невестка плоха, да внучка мила).

Микрогруппа «Интеллект» включает в себя лексемы «ум», «глупость», «мудрость», «разум» и прилагательные, образованные от них,

поскольку мы рассматриваем примеры из разносистемных языков, и, например, в русском языке пословицы с прилагательными встречаются довольно часто. Например:

Англ. *A woman's mind and wind change often* (Женский ум изменчив, как ветер);

Рус. *Умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит.*

Узб. *Aql yoshda emas, boshda.* — Ум не в возрасте, а в голове.

Микрогруппа со значением «Положительные / Отрицательные качества» чаще всего вербализирована оппозициями *хороший — плохой, добрый — злой, добрый* в значении «хороший»; также учитывались такие характеристики, как, например, *ленивый (лень), красивый, здоровый, лживый, гордый* и т. п. Например:

Англ. *A lazy sheep thinks its wool heavy.* — Ленивой овце шерсть в тягость.

Рус. *Лицом не красив, да сердцем не спесив.*

Узб. *Yaxshi rahbar elni o'ylar, yomon rahbar hovli bo'ylar.* — Хороший лидер думает о людях, плохой лидер думает о дворе.

Микрогруппа «Эмоции, чувства, свойства» содержит лексемы, отражающие как сферу эмоционально-чувственных реакций (например, *любовь, радость, гнев, одиночество* и т. п.), так и некоторые свойства, например, *чистота, красота* и т. п. Семантика «чистоты» многоаспектна; так, например, английская поговорка гласит:

Cleanliness is next to godliness (Чистота стоит рядом с благочестием).

Поэтому лексемы со значением различных возможных свойств были включены в микрогруппу наравне с эмоциями и чувствами — как проявлениями антропоцентризма.

Англ. *Anger and haste hinder good counsel.* — Злость и спешка мешают хорошему совету.

Рус. *Царский гнев и милость в руке божьей.*

Узб. *Ёлғиз туя бақироқ бўлар, Ёлғиз бола йиғлоқ бўлар.* — Одинокий верблюду будет орать, одинокий ребенок — плакать.

В микрогруппе «Социальные связи / роли» учитывались лексемы отражающие взаимодействия с людьми с точки зрения сосуществования в социуме, профессиях и различных иерархий: *друг — враг, сосед, гость, царь (боярин/барин, king, shox, mulla), нищий, писарь* и т. п. Например:

Англ. *A friend's frown is better than a foe's smile.* — Хмурый друг лучше улыбчивого врага.

Рус. *Царь гладит, а бояре скребут.*

Узб. *Mehmonning oldida mushugingni ham «pisht» dema.* — При госте даже кошке не говори «брысь».

Микрогруппа «Зоонимы, орнитонимы и т. п.» вобрала в себя лексемы, связанные с прямыми и метафорическими значениями образов животных и птиц. Например:

Англ. *What's sauce for the goose is sauce for the gander.* — букв. Что соус для гусыни, то соус и для гусака, т. е. что позволено одному, то позволено и другому.

Рус. *Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка всегда в избе.*

Узб. *Tulki o'z quyruq'ini guvohlikka tortadi.* — Лиса виляет хвостом в знак согласия.

Микрогруппа «Сверхъестественное» вобрала в себя лексемы *бог, дьявол (черт), святой(-ые)*. Например:

Англ. *Talk of the devil and he is sure to appear.* — Помянешь черта, и он явится.

Рус. *Без бога свет не стоит, без царя земля не правится;*

Узб. *Halq g'azabi — xudo g'azabi.* — Гнев народа — гнев божий.

Сопоставительный анализ выявил, что универсальное сходство в выражении антропоцентризма в поговорках всех трех языков обусловлено общечеловеческими взглядами на существование человека в природе и его физическом строении, стереотипными представлениями об определенных качествах человека, сложившихся в английской, русской и узбекской лингвокультурах. Собственно, в вербализации антропоцентризма в каждом из указанных языков суммарно доминируют такие эксплицитно выраженные микрогруппы как «Человек», «Телосложение», «Термины родства / супружества», «Социальные связи / роли» и «Интеллект» — 46,4 % в английском языке, 62,9 % в русском языке, 42,1 % в узбекском языке. Таким образом, каждая лексико-семантическая микрогруппа поговорок в языках характеризуется сходствами и различиями. Сходства носят общечеловеческий (универсальный) характер, отличия — национально-культурный.

Так, например, результаты осуществлённого подсчетов показали, что в микрогруппе «Телосложение» наибольший процент таких поговорок в русском языке — 51=13,4%, тогда как в английском языке — 22=5,8%, а в узбекском языке — 17=4,5%. Таким образом, поговорок этой лексико-семантической микрогруппы в русском языке почти в 2,5 раза больше, чем в английском языке, и почти в 3 раза больше, чем в узбекском языке. Такое положение дел наблюдается и при

сравнении результатов статического исследования и по другим лексико-семантическим микрогруппам. Например: лексико-семантическая микрогруппа «Положительные /отрицательные качества»: в английском языке — $15=3,9\%$, в русском языке — $10=2,6\%$; в узбекском языке — $41=10,8\%$. В данной микрогруппе в узбекском языке пословиц почти в три раза больше, чем в английском языке и почти в 4 раза больше, чем в русском языке. Есть микрогруппы, в которых подсчеты данных трёх языков являются примерно равными (например, термины родства / супружества: в английском языке — $27 = 7,1\%$; в русском языке — $25 = 6,6\%$; в узбекском языке — $30 = 7,9\%$. И т. д. Эти особенности в выражении антропоцентризма в поговорках свидетельствуют о преобладании (или наоборот) того или иного понятия в поговорках каждого языка в отдельности, что способствует раскрытию национально-культурной специфики в деятельности каждого народа в целом и в его языкоречевой деятельности в частности.

Сходство закономерно в своей универсальной обусловленности, если априори учитывать, что древний человек в процессе десятков тысяч лет эволюции животного мира осознавал и вербализировал себя и свое естество в противопоставлении окружающему миру, и, соответственно, осознавал и вербализировал физиологическую степень родства, близости и иерархии своих соплеменников в процессе борьбы и труда за выживание. Развитие головного мозга и речевого аппарата древнего человека обусловили и развитие абстрактного мышления и ассоциативных связей, что позволило вербализировать и нематериальные характеристики — положительные / отрицательные качества соплеменников, обозначить эмоции, чувства, свойства и отношение к ним.

Тысячелетние взаимодействия с флорой и фауной, приручение домашних животных и птицы обусловили имплицитную вербализацию антропоцентризма, то есть осознание собственных свойств и характеристик через образы животных/птиц/растений, а также распространить уровень абстракции на астрономические объекты и климатические явления. Этим мы можем объяснить и высокий уровень имплицитной вербализации антропоцентризма через микрогруппу «Зоонимы, орнитонимы и т.п.» — в английском языке $30 = 7,9\%$, в русском языке $22 = 5,8\%$, в узбекском языке — $26 = 6,8\%$.

В микрогруппе «Положительные / отрицательные качества» положительной или отрицательной оценке в антропоцентрических поговорках английского, русского и узбекского языков подвергаются обладающие наибольшей ценностной значимостью характеристики

человека и сферы его жизнедеятельности; в процентном отношении — в английском языке $15 = 3,9 \%$, в русском языке — $10 = 2,6 \%$, в узбекском языке — $41 = 10,8 \%$.

Различие в количественном соотношении нецелесообразно рассматривать не как абсолютное различие, поскольку вышеприведенные расчеты относительны и обусловлены задачами исследования, не ставящими статистические подсчеты в качестве приоритетных. Также относительны результаты в подсчетах остальных микрогрупп, поскольку они основаны на паремиологическом минимуме (380 единиц для каждого из трех языков), что может быть оспорено другими исследованиями как результат субъективной выборки. Кроме того, подсчет затрудняли такие языковые нюансы, как семантическое сходство значений «муж», «мужчина» (мужик) = «человек» и «женщина = жена» в ряде паремий. Так, например, в английской пословице:

A worthy woman is the crown of her husband. — Дстойная женщина — венец ее мужа — присутствует лексема *woman* (женщина), которую можно отнести и к микрогруппе «Человек», и к микрогруппе «Термины родства / супружества», поскольку используется в соотношении со словом *husband* (муж), приобретая значение «жена».

В русской пословице:

Мужик без бабы пуще малых деток сирота, над ним никто не сжалится, мужик и баба семантически могут рассматриваться не только как *мужчина* и *женщина*, но и как *муж* и *жена*.

В узбекской пословице:

Erning ishi el bilan. — Дело человека — его народ лексема *er* (муж) несет в себе значения «мужчина» и «человек».

Различия в выражении антропоцентризма в паремиях следуют в зависимости от того, какие явления окружающей среды (климат, флора, фауна); какие повседневные трудовые практики племен и народностей (в рамках которых сформировались все три национальности), являлись предметом оценочного осмысления по признаку положительности или отрицательности; какие качества характера человека, его поведения, и образа жизни и деятельности являлись предметом оценочного осмысления по признаку положительности или отрицательности; какие религиозные практики (христианство, ислам) сопутствовали историческому и культурному развитию. Благодаря таким различиям можно выявить приоритеты лингвокультурной общности, которые могут иметь специфический,

свойственный только данному этносу характер и которые могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно, а также оценить степень кросс-культурного взаимодействия и взаимовлияния.

Заключение

Таким образом, вербализация антропоцентризма в паремиологических единицах английского, русского и узбекского языков может иметь сходства и отличия в зависимости от ракурса существования и бытия. Осмысление действительности через бытие или телосложение человека, через его родственные и социальные связи, морально-этическая оценка человека, в пословицах и поговорках английского, русского и узбекского языков восходит к одобрению таких качеств человека, как доброта, искренность, честность, благородство, великодушие, милосердие, отзывчивость, щедрость, гостеприимство и и.п. Одинаково порицаются жадность, скупость, лживость, трусость, предательство, легкомысленное поведение, неблагодарность и т. п. Различаются они факторами историзма, влияния окружающей среды и национально-культурной спецификой.

Использованная литература

Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. — Москва, 1957. — 240 с.

Бабкин А. М. Фразеология и лексикография // Лексикографический сборник. — 1957. — Вып. 2. — С. 31–53.

Бредис М. А. Лингвокультурологическая парадигма денежных отношений в паремиях (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков) // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / Под ред. О. В. Ломакиной. — Москва: Ленанд, 2015. — С. 191–213.

Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11. — № 2. — С. 265–284.

Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — Москва: Наука, 1977. — 588 с.

- Джусупов М. Антропоцентрические пословицы как лингвоконтрастивная и лингвометодическая проблема // O‘zbekistonda xorijiy tillar. — 2022. — № 5 (46). — С. 37–52.
- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. — Москва: Языки русской культуры, 1995. — С. 144–238.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН, Институт языкознания. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
- Мокиенко В. М. Историческая фразеология славянских языков // Теория лингвистики. — Белград, 2010. — С. 103–129.
- Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. — 2010. — № 3. — С. 6–17.
- Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. — Москва, 1970. — 240 с.
- Савенкова Л. Б. Русские паремии как функционирующая система: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Ростов-на-Дону, 2002.
- Семененко Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика. — Белгород: Изд-во Белгородского университета, 2011.
- Тарланов З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1999. — 448 с.
- Шайхуллин Т. А., Зарипова А. М. Актуальные вопросы паремиологии в русском языкознании // Современный мусульманский мир. Международный научный журнал Российского исламского института. — 2017. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-paremiologii-v-russkom-yazykoznanii/viewer>
- Шерина Е. А. Национально-культурная специфика образной лексики русского языка (на материале собственно образных слов, характеризующих человека): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2010. — 23 с.
- Tosina Fernández, L. J. Paremiology in the digital era: Survival, adaptability, and prospects for proverb scholarship in the 21st century / L. J. Tosina Fernández. — Granada: Editorial Comares; Cáceres : Universidad de Extremadura, 2024. — 188 p.

References

Anikin, V. P. (1957). *Russkie narodnye poslovitsy, pogovorki, zagadki i detskiy fol'klor* [Russian folk proverbs, sayings, riddles, and children's folklore]. Moscow.

Babkin, A. M. (1957). Frazzeologiya i leksikografiya [Phraseology and lexicography]. In *Leksikograficheskiy sbornik* [Lexicographic collection] (Vol. 2, pp. 31–53).

Bredis, M. A. (2015). Lingvokul'turologicheskaya paradigma denezhnykh otnosheniy v paremiyakh: Na materiale russkogo, latyshskogo, litovskogo, nemetskogo i angliyskogo yazykov [The linguoculturological paradigm of monetary relations in proverbs: Based on Russian, Latvian, Lithuanian, German, and English]. In O. V. Lomakina (Ed.), *Paremiologiya v diskurse: Obshchie i prikladnye voprosy paremiologii. Poslovitsa v diskurse i v tekste. Poslovitsa i yazykovaya kartina mira* [Paremiology in discourse: General and applied issues of paremiology. The proverb in discourse and text. The proverb and the linguistic worldview] (pp. 191–213). Lenand.

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S., & Lomakina, O. V. (2020). Paremii v sovremennoy lingvistike: Podkhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchiy i lingvokul'turologicheskiy potentsial [Proverbs in modern linguistics: Approaches to study, text-forming and linguoculturological potential]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 11(2), 265–284.

Dzhusupov, M. (2022). Antropotsentricheskie poslovitsy kak lingvokontrastivnaya i lingvometodicheskaya problema [Anthropocentric proverbs as a linguocontrastive and linguodidactic problem]. *O'zbekistonda xorijiy tillar*, 5(46), 37–52.

Kubryakova, E. S. (1995). Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka [The evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century]. In *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science at the end of the twentieth century] (pp. 144–238). Yazyki russkoy kul'tury.

Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world]. Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Mokienko, V. M. (2010a). Istoricheskaya frazeologiya slavyanskikh yazykov [Historical phraseology of Slavic languages]. In *Teoriya lingvistiki* [Theory of linguistics] (pp. 103–129). Belgrade.

- Mokienko, V. M. (2010b). *Sovremennaya paremiologiya: Lingvisticheskie aspekty* [Modern paremiology: Linguistic aspects]. *Mir russkogo slova*, 3, 6–17.
- Permyakov, G. L. (1970). *Ot pogovorki do skazki: Zametki po obshchey teorii klishe* [From saying to fairy tale: Notes on the general theory of clichés]. Moscow.
- Savenkova, L. B. (2002). *Russkie paremii kak funktsioniruyushchaya sistema* [Russian proverbs as a functioning system] [Abstract of doctoral dissertation]. Rostov-on-Don.
- Semenenko, N. N. (2011). *Russkie paremii: Funktsii, semantika, pragmatika* [Russian proverbs: Functions, semantics, pragmatics]. Izdatel'stvo Belgorodskogo universiteta.
- Shaikhullin, T. A., & Zaripova, A. M. (2017). Aktual'nye voprosy paremiologii v russkom yazykoznanii [Current issues of paremiology in Russian linguistics]. *Sovremennyy musul'manskiy mir. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal Rossiyskogo islamskogo instituta*, 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-paremiologii-v-russkom-yazykoznanii/viewer>
- Sherina, E. A. (2010). *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika obraznoy leksiki russkogo yazyka: Na materiale sobstvenno obraznykh slov, kharakterizuyushchikh cheloveka* [National and cultural specificity of figurative vocabulary in Russian: Based on figurative words characterizing a person] [Abstract of candidate dissertation]. Tomsk.
- Tarlanov, Z. K. (1999). *Russkie posloviцы: Sintaksis i poetika* [Russian proverbs: Syntax and poetics]. Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta.
- Tosina Fernández, L. J. (2024). *Paremiology in the digital era: Survival, adaptability, and prospects for proverb scholarship in the 21st century*. Editorial Comares; Universidad de Extremadura.
- Vinogradov, V. V. (1977). *Izbrannye trudy: Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works: Lexicology and lexicography]. Nauka.